

Екатерина Александровна Неволина

Дыхание смерти

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=649345

*Неволина Е. Русланова М. Артамонова Е. Вся правда о вампирах: повести: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49230-5*

Аннотация

«... Бесшумной тенью проскользнув в комнату, он остановился у кровати, вглядываясь в лицо спящей. Ей снился кошмар, и девушка беспокойно ворочалась на кровати.

Ему было приятно смотреть, как знакомые черты кривятся от боли и беспокойства.

Вампир нагнулся над ней и вдруг отпрянул. На шее девушки было сразу два оберега. Один – небольшая деревянная ладанка. Второй – неровный серый камень. И он испугал вампира даже сильнее. Этого камня, он знал, не было раньше. Откуда же он взялся?

«Неужели замок принял ее?» – прошипел аббат, отступая к узкому оконному проему.

...»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Екатерина Неволлина

Дыхание смерти

Пролог

Маша выделила этого человека из толпы с первого же взгляда, но теперь, рассматривая его, даже не могла сказать почему. Вроде бы обычный мужчина, уже не очень молодой, лет, наверное, тридцати – с резкими чертами лица, похожим на клюв ястреба носом, черными волосами чуть длиннее, чем обычно бывают у мужчин его возраста. Если рассматривать каждую деталь его внешности – ничего необыкновенного. Но все вместе отчего-то рождало в ее душе чувство настороженности. От него веяло... какой-то чужеродностью, словно он был сделан из иного теста, чем прочие посетители кафе, словно он очутился здесь случайно, по недоразумению, занесенный в наш мир бродячим ветром иномирья.

Маша осторожно огляделась. Похоже, больше никто не обратил внимания на странного незнакомца. Люди, в основном молодежь, сидели за столиками или стояли у стойки, ожидая, пока им сделают кофе, болтали, смеялись, разговаривали о чем-то.

Рядом с мужчиной, привлечшем Машино внимание, сидела девушка лет на десять-пятнадцать младше его – очень красивая, с длинными золотистыми волосами, прекрасной кожей – бархатисто-розовой, удивительно приятного цвета. Она пила латте из высокого бокала, увенчанного горкой нежных взбитых сливок, на вершине которых красовалось поджаренное кофейное зернышко, и смотрела на своего спутника так нежно, будто это он был королем красоты.

Перед мужчиной тоже стоял бокал с кофе, но Маша не видела, чтобы незнакомец хотя бы прикоснулся к нему. Отношение к явно влюбленной девушке тоже было странным – эдаким холодно-принебрежительным. Он принимал внимание юной красавицы словно нечто само собой разумеющееся, не ответил ни на одну ее улыбку, и Маша заметила, как его тонкие губы изогнулись в недовольной гримасе, словно он только что разжевал нечто кислое.

Светловолосая сжала пальчиками с безукоризненным маникюром руку мужчины, что-то говоря ему – взволнованно и страстно, но Маша готова была поклясться, что тот почти ее не слушает.

«Наверное, какой-нибудь олигарх, а девушка – манекенщица, мечтающая заполучить его в свои сети», – решила Маша.

Но тут ее глаза встретились с глазами незнакомца, и она почувствовала, что все тело вдруг пронзили острые иглы безотчетного страха. В глубине холодных чужих глаз было нечто странное и завораживающее... На миг Маше показалось, что там клубится тьма, затягивая в спиралевидный зрачок словно в черную дыру. Еще немного – и все, пропала!..

Маша сморгнула, и наваждение исчезло, словно его и не было. И с чего это она решила, будто зрачок у мужчины похож на спираль? Как она вообще могла разглядеть его с такого расстояния?!

Что-то обожгло грудь. Девушка протянула руку и нащупала украшение, висящее на тонкой серебряной цепочке.

Это был подарок от папы. Еще до того... как все случилось. Папа ездил в командировку в Англию и привез оттуда странный презент: неброский с виду серый камень, в котором лишь на свету можно было разглядеть золотистые искорки. Камень был почти что не обработан, в нем только просверлили дырочку и проделали тонкую, как паутинка или лунный луч, серебряную цепочку. Маша не знала, чем именно зацепил ее подарок, но едва взяв его в руки, она поняла, что это ее вещь, абсолютно и безусловно ее. Она тут же надела украшение

на шею и никогда не снимала. Кроме одного раза... Когда случилась та история, и Маша была очень зла, она сорвала с шеи медальон и сказала, что больше не наденет его, но не продержалась и одного дня: неброское украшение так и манило, словно звало: «Ну надень же, надень меня, видишь, как нам с тобой хорошо». С тех пор она не снимала амулет даже когда ложилась спать.

«Это все игра воображения. Пора сказать себе «стоп», – решила Маша, отодвигая на противоположный край стола уже давно пустую чашку кофе.

Девушка часто приходила в это кафе, почти каждый день по пути из школы домой. Особенно осенью, когда под ногами шуршали опавшие листья, а в груди появлялось смутное чувство печали, когда хотелось согреться глотком горячего кофе и подсмотренными украдкой кусочками чужих счастливых жизней. Сама Маша назвать себя счастливой никак не могла.

В этом году ей исполнилось пятнадцать, но ей казалось, что ничего хорошего с ней больше не случится. Ровно год назад она оказалась вычеркнута из жизни словно одним резким росчерком пера. Год назад у нее было все – и родители, которые, казалось, любили ее, и подруги, и мальчик, с которым они медленно шли из школы, почти не решаясь взглянуть друг на друга, и отчаянно краснели, случайно соприкоснувшись рукавами. Тогда у Маши было все. Только она не осознавала этого.

Все рухнуло в один момент. Казалось, ничто не предвещало беду, когда в один из вечеров к ним в дом явилась чужая женщина. Она пришла, чтобы увести отца Маши.

– У него уже давно другая семья. Вы не нужны ему, – сказала она тогда холодно и четко.

И отец, не глядя ни на жену, ни на дочь, ушел с незнакомкой. Не слишком красивой, довольно неприметной шатенкой с презрительной улыбкой.

В темных стеклах отражались огни неспящего города, а мама сидела у окна. Она не плакала. Просто смотрела в пространство неживыми глазами. Ее взгляд застыл, словно внутри ее навсегда выключили свет.

Целый год Маша прожила с этой ношей. Отец так и не вернулся, а мама словно бы превратилась в куклу. Маша плакала, старалась привести ее в чувство. Но вскоре не осталось ничего, даже жалости, только тягостная атмосфера в квартире, дышать в которой было невозможно – будто сам воздух давил на грудь. Дом превратился в Северный полюс. Минус пятьдесят на градуснике – никак не меньше!

Девушка тоже замкнулась. Самым страшным ее кошмаром стало то, что о произошедшем узнают в школе. Каждый день на протяжении всего этого невероятно длинного года она ожидала, что кто-нибудь крикнет ей в лицо: «Тебя бросил отец!» И Маша вся сжималась от предчувствия боли.

«Ты проклята, деточка! Ты умрешь, когда тебе исполнится пятнадцать!» – сказала ей однажды сумасшедшая старуха в нелепых, словно опереточных, лохмотьях, и расхохоталась хриплым каркающим смехом.

«Ты умрешь! Ты умрешь!» – настойчиво врвался в Машины сны ужасный голос, и тогда девушка просыпалась в холодном поту и сжимала зубами подушку, чтобы не закричать от отчаяния и безнадежности. Круг замкнулся, и она металась в нем, уже не веря, что можно найти выход. Но иногда приходили и другие сны – не менее странные и тревожные. Маше снилось, будто она идет по узким глухим коридорам здания, выложенного из огромных серых камней. Эти камни обступали ее, и ей казалось, что она лежит в саркофаге, а потом в конце коридора вдруг показывался свет, и оттуда доносилось негромкое ритмичное пение. «Ближе! Подойди к нам ближе! Дай на тебя взглянуть!» – будто требовали чужие настойчивые голоса, звучащие так странно, что Маша скорее не понимала, а догадывалась о смысле слов. И девушка просыпалась, растерянная и напуганная, все еще чувствуя на себе тяжелый нечеловеческий взгляд.

Маша сторонилась одноклассников и держалась на переменах одна, а каждый день, сразу после окончания занятий, спешила уйти из школы, чтобы долго бродить в одиночестве по улицам, заходить в кафе и приглядываться к людям, воруя кусочки чужой жизни... Мальчик, с которым она едва не начала встречаться, сначала пытался заговорить, смотрел на нее с недоумением, но вскоре уже ходил с Машинкой одноклассницей. Не удивительно: не одна – так другая. Все мужчины предатели. Как отец.

Мужчина за соседним столиком наклонился к своей спутнице и прошептал той что-то на ухо. Светловолосая кивнула, отодвинула от себя бокал с латте и блюдечко с пирожным. Они встали и стали одеваться: девушка – в темно-зеленое короткое пальто, удачно оттеняющее цвет ее волос, мужчина – в черную куртку.

Маша не решалась глядеть прямо на них, но наблюдала за парой из-под полуопущенных ресниц. Красивая девушка виделась ей бабочкой, угодившей в паучьи сети. Почему? Незнакомец медленно подвинул стул. Все, даже скреп стула, казалось Маше зловещим дурным предзнаменованием.

Мужчина оглянулся на Машу, и девушка зажмурилась. А когда открыла глаза, пара была уже у стеклянных дверей кафе. Всего-то начало восьмого, а какая темень.

Можно было задержаться еще на какое-то время, купить еще одну чашку кофе, понаблюдать за счастливо воркующей парой и успокоиться, немного согрешившись их сияющим очевидным счастьем... Но Маша поднялась и вышла во тьму как раз вовремя, чтобы увидеть силуэты двух удаляющихся людей.

Она не могла сказать себе, зачем следует за ними и что она сможет сделать, если проснувшееся чувство опасности найдет подтверждение, но ведущий ее инстинкт оказался сильнее, и Маша шла, обгоняя случайных прохожих, поскользываясь на мокром от луж асфальте.

Вот парочка приблизилась к переходу через дорогу. Здесь мужчина оглянулся, и Маша сразу поняла, что он ее заметил. Заметил, несмотря на тьму и то, что она успела нырнуть за спину какому-то коренастому полному субъекту в длинном пальто.

«Что я делаю! – испугалась девушка. – Еще не поздно повернуть!»

Но было уже поздно. Она ступила на белые линейки перехода.

Незнакомец, бывший уже на другой стороне улицы, снова обернулся. На секунду Маше вдруг показалось, что его глаза сузились, а губы искривила торжествующая улыбка. Но разве могла она разглядеть все это при тусклом освещении нечастых фонарей?

Впрочем, времени на раздумья у нее не оказалось. Прямо перед ней вспыхнули хищно-желтые глаза неведомого чудовища. Натужно заскрипели тормоза, а затем что-то огромное ударило ее.

Маша почувствовала, что летит, словно выпущенная на свободу птица. И падает, падает... Очень долго падает. Наверное, целую вечность, проваливаясь в вязкий жадный мрак. Она не ощущала ни боли, ни удивления, только странное тепло в груди – там, где прильнул к коже серый камень, там, где билось ее сердце.

Глава 1

Двери старого замка

Тихое, словно вкрадчивое постукивание пробивалось сквозь плотную пелену тишины. «Я жива», – подумала Маша и осторожно открыла глаза.

Мир вокруг оказался странным. Девушка лежала на кровати, отгороженной от остальной комнаты плотной занавеской.

Это была не ее комната. Маша сморгнула, но ничего не изменилось, и монотонное приглушенное постукивание мешало думать, действуя раздражающе. Память возвращалась понемногу – словно глоток за глотком.

Маша сдвинула брови, напряженно припоминая. Странный мужчина в кафе... и зачем она только пошла за ним?.. Огромные глаза чудовища, оказавшиеся фарами приближающейся машины... удар или только предчувствие удара...

«Ну конечно! Меня сбила машина, и я теперь в больнице!» – наконец, догадалась девушка. Она осторожно огляделась и, к собственному изумлению, не увидела капельницы. «Надеюсь, ничего не сломано», – подумала Маша, с ужасом вспоминая Ольгу из их класса, целый месяц проходившую с гипсом на ноге.

Она пошевелила руками под тяжелым шерстяным одеялом, попутно удивившись, что оно не заправлено в белоснежное больничное белье. С гигиеной в этой больнице, судя по всему, определенно имелись проблемы. Впрочем, это не страшно. Главное, что руки шевелились. Маша попыталась сесть на кровати. Тело с трудом повиновалось ей, а голова тут же закружилась, так что пришлось привалиться плечом к холодной стене, а с губ невольно сорвался тихий стон.

Постукивание тут же прекратилось, а занавеска у кровати отдернулась, и Машину взгляду предстала добродушная, чуть глуповатая физиономия медсестры. Она оказалась совсем молоденькой, лет, наверное, восемнадцати. «Практикантка», – сразу же решила Маша. В комнате было довольно темно, но девушка разглядела, что у практикантки длинные волосы, заплетенные в две спускающиеся на грудь косы, вздернутый нос и большие, широко распахнутые глаза.

– Госпожа! Наконец вы очнулись! – выпалила та и, умильно сложив на животе руки, посмотрела на Машу. – Мы уже боялись, что вы не поправитесь!

Халата на странной девице тоже не оказалось. Вместо него – какое-то тусклое длинное платье весьма странного покроя, а на волосы был накинута кусок ткани.

Больше всего эта одежда напоминала облачение монашенки, хотя и не было черным. Маша не слишком разбиралась в монастырском укладе и уж совсем не понимала, каким образом оказалась в монастыре и отчего монашенка... или ее называют послушницей?... именует ее госпожой.

«Ты умрешь, когда тебе исполнится пятнадцать!» – вспомнились вдруг слова странной старухи. А что, если она действительно умирает, и ее не стали держать в больнице и отвезли туда, где лежат безнадежные, за которыми ухаживают монашки, готовя их к смерти? В какой-нибудь хоспис, или как там это называется?!

– Где я? – пробормотала Маша и вдруг поняла, что собственный голос тоже отчего-то кажется ей чужим и каким-то странным.

– Вы у себя дома, в своей комнате, госпожа. Вы долго болели, но, хвала Господу, пошли на поправку. Господин аббат так и говорил, что вам станет лучше. Слава милосердной Заступнице Деве Марие, так и случилось, – радостно зачастила послушница.

Из этой речи Маша поняла только одно: это действительно монастырь. Но почему его тогда называют ее домом. Новая мысль пронзила девушку: а что, если ее саму упекли в монастырь, как в каком-то дурацком фильме?! Что делают, когда отправляют в монастырь? Кажется, стригут в монахини.

Маша подняла руки, чтобы ощупать, на месте ли волосы. К счастью, на месте. Вот они пышными волнами лежат на плечах, разметались вокруг по кровати... Но постойте! У нее же каре – стрижка, едва доходящая до начала шеи!

Пальцы дрожали и путались в пышных волосах. Девушка дернула одну из прядей и почувствовала боль. Похоже, это ее собственные волосы, не парик. Но тогда выходила совсем уж полная чушь: пока она лежала без сознания, сбита машиной, кто-то притащил ее в монастырь и полил голову чудодейственным составом для роста волос, от которого они тут же принялись расти с сумасшедшей скоростью, превращаясь в косы сказочной красавицы Рапунцель. Так что теперь она вполне сможет свешивать их из окошка какой-нибудь высокой башни, чтобы втаскивать к себе прекрасных принцев.

Маразм!

– Что это? – спросила она, ткнув в волосы.

Послушница недоуменно уставилась на них.

– Госпожа желает, чтобы я заплела ей косы? – наконец предположила она, расплываясь в улыбке. – Так я сейчас...

– Нет! Я желаю знать, откуда это взялось на моей голове!

Девушка замолчала, хлопая большими глупыми глазами.

«Вот дура», – разозлилась Маша. Разговаривать со странной, видимо, умственно отсталой (вот потому ее и отдали в монастырь) послушницей было глупо.

«А камень? Сохранился ли камень?» – с волнением подумала она, ощупывая шею. Камень, к счастью, оказался на месте, и Маша с облегчением перевела дух. То, что любимое украшение никуда не пропало, ее успокоило. Ей сразу же стало легче. Под рукой обнаружилось еще что-то. Потянув за шнурок, девушка вытянула нечто вроде маленького ящичка с изображением креста, сделанного из непокрытой лаком древесины, уже изрядно грязной. Брезгливо поморщившись, Маша стащила с себя эту гадость под полным самого неподдельного ужаса взглядом послушницы. Та смотрела так, словно Маша сейчас прямо у нее на глазах превращалась по меньшей мере во Фредди Крюгера.

«Ну точно сумасшедшая», – решила Маша, сунув под подушку найденное оригинальное украшение. Однако налаживать контакт как-то было нужно. Девушка вдохнула, выдохнула и снова обратилась к послушнице.

– Моя мама здесь? Ты можешь ее позвать? – медленно, чтобы бедняжка смогла понять смысл задаваемых ей вопросов, проговорила Маша.

– Мама?.. – повторила послушница – ну совсем тью-то! – Нет... Ваш батюшка сейчас на охоте, а матушка... Матушка... – она замолчала.

– На какой охоте? – осторожно переспросила Маша.

– Они изволят охотиться на кабана, – тут же ответила послушница.

О, Маша прекрасно представила себе эту картину: ее отец, невысокий и щуплый менеджер торговой фирмы несется по лесу за огромным кабаном, сжимая в одной руке мобильный телефон, а в другой – ноутбук, собираясь запустить его в голову клыкастому чудовищу.

«Все страньше и страньше», – подумала она цитатой из «Алисы в стране чудес».

– А мама? Что мама? Она тоже на охоте? – уточнила Маша ласково, уже не сомневаясь, что имеет дело не только с умственно отсталой, но и с сумасшедшей.

– Но как же, госпожа! – Послушница нелепо взмахнула руками, словно собираясь взлететь. – Ваша матушка умерла.

Маша почувствовала боль – будто ее изо всех сил ткнули в грудь, и из легких вдруг исчез весь воздух. Она судорожно вздохнула. Голова кружилась, отказываясь хоть как-то воспринимать происходящий абсурд. Наверняка это просто ночной кошмар, отражение ее самых сильных страхов. Надо взять себя в руки. Сейчас все непременно разъяснится.

– К-когда она... – выдавила из себя девушка и замолчала, не в силах произнести страшное слово.

– Так вы ничего не помните, госпожа! – воскликнула умалишенная почти радостно. – Ваша матушка преставилась, когда вам было два дня отроду!

Боль отступила. Ну, слава Богу, все в порядке. Это она сама дура, что вздумала расспрашивать больную на всю голову сиделку.

Лучше всего было встать, но тело по-прежнему плохо слушалось. Попытавшись подняться, Маша лишь бессильно упала на подушки.

– Лежите, госпожа! Доктор запретил вам подниматься! – испуганно воскликнула сумасшедшая.

Это было уже кое-что.

– Позови, пожалуйста, доктора! – попросила Маша, чувствуя, что ее голова вот-вот лопнет.

Несчастливая девушка опечалилась, и Маша уже мысленно подготовилась к тому, что она ответит нечто вроде: «Доктор умер вместе с вашей матушкой» или «Доктор составил компанию вашему отцу в охоте на кабана» (кстати, было бы логично – у доктора хотя бы скальпель имеется – на худой конец чем не холодное оружие?!), или даже: «Доктор изволил скончаться вместе с вашей матушкой, а потом они, вместе с вашим отцом, все трое, отправились на охоту». Но все обошлось.

– Его нет в замке. Он вернется только к вечеру, – пробормотала сумасшедшая.

– Ну хоть кого-нибудь ты можешь позвать? – в тоске спросила Маша. Ее силы исчерпались этим странным и бессмысленным диалогом. Хотелось отвернуться к стене, закрыть глаза, заснуть и проснуться уже у себя дома.

– Да!

Занавеска дернулась, скрывая за собой круглое растерянное лицо, и Маша закрыла глаза. Она бы заснула, но что-то не давало ей покоя. Ну конечно, сумасшедшая произнесла слово «замок»!

И тут Маша вдруг все поняла. Ее заперли в сумасшедшем доме. Они воспользовались ее бессознательным состоянием и поместили с опасными сумасшедшими! И, что самое печальное, похоже, мама даже не заметит ее отсутствия!.. Ей же сейчас ни до чего.

– Ваша тетушка леди Роанна! – объявил тем временем уже знакомый голос.

– О, моя милая бедная девочка! Слава милостивому Господу, ты жива! Мы уже боялись, что потеряли тебя! – послышался густой, словно старый мед, женский голос.

Маша застонала. Она оказалась права в своих последних предположениях!

Меж тем занавеска отодвинулась, и перед девушкой появилась еще нестарая женщина. На ее голове был странный белый платок, закрывающий щеки и пропущенный под подбородком, а сверху накинута еще одна, вышитый продолговатыми жемчужинками и перехваченный витым обручем.

– Бедная пташка! – провозгласила незнакомка, хватая Машу и прижимая ее к себе так крепко, что девушка испугалась, что у нее треснут ребра. – Ты заставила нас поволноваться! А господин аббат! Вот уж святая душа: ночей не спал подле твоей постели! Сегодня тебе было совсем плохо, мы уже думали, что Господь призовет твою душу, но, к счастью, все обошлось!

Маше подумалось, что ей приходится принимать участие в дурном спектакле. Может, она попала в лапы мошенников? Но чего они добиваются: хотят получить за нее выкуп? ставят сомнительный эксперимент?

– Простите, я вас не знаю, – проговорила она, отстраняясь.

На круглом лице самозванной тетушки возникло выражение недоумения, тут же сменившееся гримасой трагической скорби.

– Как же тебе плохо, бедная девочка! – воскликнула она голосом, от которого у Маши заложило уши. – Но не волнуйся, отдыхай. Я попрошу отца Давида отслужить за твое выздоровление службу, а как солнце пойдет к закату, явится и господин аббат. Святые угодники наделили его великим искусством врачевания, и в пускании крови ему нет равных.

Маша поехала. Абсурд, пожалуй, дошел до своей верхней точки. Ей вовсе не хотелось, чтобы ей пускали кровь – без разницы кто, отец Давид, аббат или сама громкоголосая пухлая лжететушка.

«Надо срочно бежать от этих сумасшедших! – колотилась в голове одна-единственная мысль. – Куда угодно, только бежать».

Девушка испуганно огляделась. Единственный путь к спасению был отрезан. Пришлось прибегнуть к военной хитрости.

– Ну конечно, тетушка... Роанна... – кажется, так называла эту первая сумасшедшая. – Конечно, я вас узнала. – Маша отерла рукой лоб, на котором выступил холодный пот. – Только, простите, я что-то устала. Так голова кружится...

Ей почти не пришлось притворяться. Девушка действительно снова рухнула на подушки.

– Отдыхай, моя птичка, – с готовностью закивала самозванная тетушка. – А я пойду помолюсь о твоём здоровье. Пусть святые угодники ниспошлют тебе окончательное исцеление!

Маша закрыла глаза, притворяясь спящей. Она слышала, как ее собеседница вышла за дверь. Затем раздался скрип и знакомый мерный стук: тук-тук-тук, тук-тук-тук. Этот стук был таким монотонно-усыпляющим, что Маша едва не заснула. К счастью, звук прервался и следом за ним послышался храп.

Девушка поднялась с кровати. Ноги едва держали ее, а под руками постоянно путались невероятным образом отросшие волосы. Как выяснилось, они были ужасно длинными – почти до колен.

Маша осторожно выглянула в щель между закрывающими кровать занавесками. Перед ней оказалась небольшая комната с белеными стенами, украшенными какими-то странными коврами. Мебели здесь почти не было – только деревянная лавка и два больших, окованных железом, сундука.

На лавке, привалившись лбом к странному деревянному станку, сладко спала девушка с косицами. Из ее опущенной руки выпал деревянный поплавок, обмотанный толстыми нитками. Видимо, стук, который Маша слышала, производил именно он. Послушница, или кто она там, спала сном праведника и даже похрапывала.

«Интересно, она здесь затем, чтобы караулить меня?» – подумала Маша и на всякий случай выждала несколько минут, напряженно приглядываясь. Незнакомка спала или изображала сон так искусно, что уличить ее во лжи не было никакой возможности.

Маше было очень страшно. В груди комком стояла пустота. Вакуум, как говорили им на физике. Пришло время рискнуть.

Стараясь не дышать, девушка осторожно двинулась к выходу. От слабости ее качало, так что приходилось опираться о стену. Босые ноги холодил каменный пол – ковер лежал только в середине комнаты, ближе к кровати.

Девушка огляделась – ни обуви, ни одежды ее нигде не было. На Маше оказалась только длинная, до щиколоток, полотняная ночнушка, стянутая по бокам шнуровкой. Не лучшее облачение для бегства, но что поделать – каждая секунда дорога, – и девушка решительно вышла из комнаты через скрипучую дверь, к счастью, не запертую, а лишь задернутую плотной грубой тканью, на которой были вытканы павлины и розы.

Сразу за порогом начинался узкий коридор. Если в комнате имелось хоть немного света благодаря узкому, похожему скорее на бойницу окну, в коридоре царила темнота. Она была густой – хоть ножом режь – и словно бы упругой на ощупь. Маша почувствовала себя отрезанной ото всего мира, угодившей в какое-то особое пространство, где нет ни красок, ни звуков. Все это напоминало ей тот странный сон. И верно: коридор оказался в точности таким, как и снился. Девушка протянула руку и коснулась каменной кладки стены, показавшейся ей обжигающе ледяной.

«Пусть это будет сном! Ну пожалуйста, пусть это окажется всего лишь простым безобидным кошмаром! – взмолилась про себя Маша. – Сейчас я увижу свет, услышу странное пение и проснусь!» Она брела в темноте, спотыкаясь, кажется, целую вечность и едва не закричала, когда рука угодила во что-то противное и липкое – кажется, в паутину. Девушку замутило. Ей показалось, что она сейчас же упадет в обморок и ударится головой о холодные каменные плиты, лежащие под ногами. Дыхание с трудом срывалось с ее губ, а сердце колотилось уже где-то в горле.

«Все хорошо. Я справлюсь. Ничего страшного. Это всего лишь сон», – пробормотала Маша, закрыв глаза и сжав виски руками.

Она постояла некоторое время, пытаясь прийти в себя, ощупала под ночнушкой свой камень-амулет, и ей действительно стало легче. Тогда девушка осторожно разлепила ресницы. Все оставалось по-прежнему. «Постоянство – тоже в своем роде признак надежности», – пробормотала Маша. Она вздохнула и медленно двинулась дальше. Коридор изогнулся, а рука наткнулась на плотную материю, за которой была пустота.

Маша нащупала край занавеси и осторожно, боясь привлечь внимание людей, находящихся внутри, заглянула в помещение.

Перед ней оказалась комната. К счастью, совершенно безлюдная. В углу стояла большая кровать, занавешенная тяжелой бордовой тканью, очень ветхой, почти сплошь состоящей из прорех. Словно причудливое кружево этот балдахин украшала паутина. У стены, под узким окном, примостилась скамья и большая деревянная рамка на высокой ножке. На рамке было натянуто недоконченное вышивание, все серое от пыли и местами истончившееся от времени. Казалось, неведомая мастерица только-только отвлеклась от работы, но за эту секунду в комнате промчались годы, подернув все предметы сединой пыли, отметив их глубокими морщинами-трещинами...

Эта пустая комната внушала Маше ужас. Ей вдруг показалось, что стоит войти туда, как запястья коснется чья-то бесплотная ледяная рука, а шелестящий голос шепнет на ухо: «Ты наша! Ты останешься здесь навсегда!»

Не помня себя от страха, девушка поспешно опустила занавеску и быстро зашагала дальше.

Куда же она попала?! Может, в самый страшный из своих снов? Ну вот, она уже чувствовала на себе чужой внимательный взгляд. Этого и следовало ожидать: чего боишься – то и случается.

«Только бы проснуться!» – прошептала она, до боли вонзая ногти в ладони. Хоть где! Хоть в больнице, хоть на кладбище!

Но проснуться не удалось.

И как раз в тот момент, когда ее душу захлестнуло отчаяние, девушка поняла, что тьма немного рассеивается и там, впереди становится светлей.

«Вот и конец сна!» – обрадовалась она и побежала, не обращая внимания на царящую вокруг тишину: странного пения, вопреки обыкновению, не было слышно.

Источником света служили два огромных факела, висевших по обе стороны дверного проема, заглянув в который, Маша увидела уходящую вниз винтовую лестницу.

Сон приобретал странные черты: но выбор у Маши был небогатый – либо сесть и ждать, пока она проснется, либо спуститься по лестнице и посмотреть, что там, внизу. И девушка выбрала последнее.

К тому же, кто знает, если она все-таки не спит (а даже щипки не помогли проснуться), вдруг лестница – это выход, а выход – это спасение.

Маша вдруг уверилась, что стоит ей сбежать из этого странного места – и все будет хорошо. Она обязательно проснется или найдет дорогу домой, а там... там произойдет чудо – и мама, уже отчаявшаяся найти ее, бросится навстречу. Или нет, они встретят ее оба: и мама, и папа, а бывшее окажется нелепым сном. Они будут счастливы как прежде, как во времена Машиного детства, и забудется весь этот последний год, полный холода и отчаяния. Все непременно будет хорошо, нужно только выбраться.

Высокие узкие ступени уводили все ниже и ниже. Маша так устала, что опустилась на одну из них и, прислонившись горячим лбом к холодному камню стены, застонала. Ей казалось, будто она идет уже очень долго. Может, целый год, может, целую жизнь. «Я дойду, я сильная», – повторяла она, но слова теряли смысл, превращаясь в бессмысленный набор звуков. Она сама не узнавала их.

«Кто я? Зачем я здесь?» – спрашивала себя девушка, но не находила ответа. Единственное, что она сейчас помнила, это то – что нужно идти вперед, нужно спускаться.

Сжав зубы так, что стало больно, Маша поднялась с холодной ступеньки и, пошатываясь, двинулась дальше. Сейчас ее вела только воля. Именно она заставляла двигаться непослушные окоченевшие ноги.

Площадка и новый вход, ведущий куда-то в глубь здания. Оттуда доносились чьи-то голоса.

Лестница закончилась, а выхода так и не обнаружилось.

Душу охватило чувство безнадежности. Выхода нет! Она попала в ловушку!

От отчаяния Маша ударила по стене кулаком, словно надеясь пробить в ней выход, но, конечно, только в кровь разбила костяшки пальцев. По-настоящему больно! И кровь настоящая, чуть солоноватая.

Неподалеку засмеялись. Кто-то направлялся в ее сторону, и девушка едва успела нырнуть в тень. Затаившись в темном углу, она настороженно следила за появившимися на площадке женщинами.

Одна из них была постарше, вторая помоложе, но обе одеты в грубую невзрачную одежду. Женщина постарше несла большой таз с водой. Ее спутница – какие-то тряпки.

– Счастливица Берта, – говорила та, что помоложе. – Господин аббат ее отличает. Я сама видела, что он достаивал эту замарашку беседой.

– Не о том думаете, – вздохнула старшая. – И Берта, и ты заняты пустяками. Надо думать о том, как лучше услужить господам. И о своей бессмертной душе. Ох, молодежь ныне совсем испортилась. То ли было в мое время?! Видать, конец света совсем близко.

– Да ладно тебе, Этель, брюзжать, – отмахнулась собеседница, – авось еще проживем. К тому же мы ничего плохого не делаем...

Они поднялись на следующий этаж, и голоса перестали долетать до Маши.

Затаившись в своем углу, девушка немного успокоилась.

«Да что это такое, – подумала она, вспоминая недавнюю панику. – Я просто устала. Выход есть. Надо только пройти по коридору».

И Маша направилась в проход, из которого появились чудоковатые женщины, и чуть дальше действительно наткнулась на еще одну уводящую вниз лестницу.

Тут девушка снова остановилась, чтобы собраться с силами.

Отдышавшись, Маша продолжила спуск. Она сама не знала, как преодолела последние ступеньки, вышла из дверей и вдруг оказалась на залитом солнцем дворе, где на нее обрушился каскад разнообразных звуков: лай собак, ржание лошадей, звон металла, крики людей... Все это оглушило и ослепило ее. Она застыла у входа в башню – босая девушка в длинной полотняной рубашке, с распущенными волосами, искрящимися на солнце золотисто-рыжим.

– Посмотрите, это же моя малютка-дочь! – раздался рядом громоподобный голос. – Что же ты вышла босая?

Чьи-то сильные руки подхватили Машу и приподняли ее над землей. В нос ударил запах мокрой шерсти и металла.

Девушка открыла глаза и увидела перед собой лицо мужчины. Черты этого лица словно вырезали из темного старого дерева: высокий лоб, перерезанный упрямыми морщинами, большой, с горбинкой, нос, квадратный подбородок, четко очерченные скулы... Кожа была темной, словно продубленной солнцем. Только глаза – светло-голубые, словно выцветшие, казались неожиданно добрыми, не подходящие к этим суровым чертам. Волосы у мужчины, черные с сединой, обычно про такие говорят соль с перцем, были подстриженные коротким ежиком.

– Ну и куда же ты? – спросил незнакомец. – Ты же еще не оправилась после болезни. Эх, была бы жива твоя матушка... Ну пойдем, отнесу тебя в постель. Ты, дочь крестоносца, должна быть выносливой и сильной!

С этими словами мужчина зашагал вверх по лестнице, неся Машу так легко, словно она стала невесомым перышком.

От него веяло силой и спокойствием, и девушка вдруг почувствовала тепло. То тепло, которого так не хватало ей весь этот долгий год. Словно она уже и вправду вернулась домой, словно этот незнакомый седой мужчина и впрямь был ее возвратившимся отцом. Она прислонилась головой к его широкому плечу. Мерные шаги убаюкивали, а ресницы слипались, словно намагниченные.

– Да ты же совсем спишь. Эй, Берта, куда же ты подевалась, бесовское отродье! Видишь, госпожа спит! – звучал где-то рядом раскатистый голос.

Потом Маша поняла, что ее опускают на кровать и накрывают тяжелым теплым одеялом. Больше она уже ничего не чувствовала, потому что крепко спала.

Вампир

– Сэр Роджер, к вам человек, которого вы ждали, – доложил слуга и тут же поспешил убраться восвояси, чтобы не докучать господину, с крутым характером которого ему уже пришлось познакомиться, несмотря на то что рыцарь приехал в их дом всего пару дней назад.

Невысокий темноволосый человек с ранними залысынами, нервно расхаживающий из угла в угол, удовлетворенно кивнул.

Тем временем в комнату уже входил его гость, с головы до ног закутанный в темную одежду.

– Садись, – нетерпеливо кивнул хозяин на кресло, не утруждая себя словами приветствия.

Гость, ничуть не удивившись, сел и замер, сложив на груди руки и переплетя пальцы в странный сложный узор.

– Как продвигаются наши дела? – спросил сэр Роджер, усаживаясь напротив.

– Девчонка все еще без сознания. Я не трогал ее несколько ночей, чтобы она немного окрепла, – ответил посетитель холодно.

– Да, она еще нам нужна, клянусь всеми демонами! Смотри не переусердствуй! А уж потом... потом я, как и обещал, отдам ее тебе. Главное уладить все формальности.

Посетитель кивнул.

– А этот... барон? – снова спросил сэр Роджер. Теперь в его голосе звучало неприкрытое раздражение. Будто само слово «барон» жгло его язык, причиняя боль.

– Я уже сообщал, что у него есть защита от меня, – спокойно отозвался собеседник. – К тому же меня подозревают. Лучше еще немного выждать.

– Как же мне надоело ждать! – Хозяин вскочил с неудобного кресла и шагнул к своему гостю. – Иногда мне кажется, ты вообще ни на что не способен!

– Попридержи язык, – отозвался тот.

– Как ты разговариваешь со мной? – вскинулся сэр Роджер.

И тут его посетитель словно превратился в темный вихрь, мгновенно схватив хозяина за грудки и прислонив его к стене комнаты.

– Да, я служу тебе, – произнес он тихим, похожим на шипение змеи голосом. – Но я не подчиняюсь тебе. И буду служить, пока это выгодно нам обоим. Надеюсь, ты не совсем еще ополоумел при дворе, чтобы забыть, как недорого стоит твоя жизнь, человечиска?

Из-под темного капюшона сверкали глаза, а тонкие губы приподнялись, открывая длинные белые, как у волка, клыки.

– Я тебе нужен! – едва прохрипел сэр Роджер. Собеседник сжал его горло слишком сильно.

– Да, ты мне нужен и мне выгодно наше... совместное дельце, – согласился гость, язвительно улыбаясь. – Но, прошу тебя, не забывайся, благородный сэр. Не играй с огнем. Он может и обжечь.

– Я понял, – прохрипел хозяин.

Гость разжал руку, сжимающую горло сэра Роджера, и тот медленно сполз по стене, держась за грудь и судорожно пытаясь отдышаться.

– Ну что же, мы опять пришли к взаимопониманию. Можем продолжить наш деловой разговор. – Незнакомец в плаще вернулся в свое кресло и замер там – неподвижный, словно статуя. Глядя на него сейчас, нельзя было заподозрить, каким чудовищно сильным и быстрым он может быть.

Глава 2

Перчатка господина аббата

И снова этот взгляд. Холодный, мертвенный, пришпиливающий к постели, как пришпиливают булавкой глупую бабочку, заставляющий содрогнуться в ознобе под теплыми одеялами.

От этого взгляда болела грудь, а дыхание замерзло на губах.

Неужели вокруг нее опять эти серые стены?

– Нет! – вскрикнула Маша и распахнула глаза, надеясь, что тяжелое чувство исчезнет после пробуждения, как всегда бывало с ней раньше.

Но нет.

Черные, почти лишенные радужки, глаза неотрывно смотрели на нее, рождая смутное чувство тревоги и... узнавания.

Маша уже видела этого немолодого мужчину с резкими чертами лица, похожим на клюв ястреба носом и длинными черными волосами. Только на лице теперь появились морщинки, а в волосах виднелось несколько седых прядей.

Заметив, что девушка проснулась и в ужасе уставилась на него, гость улыбнулся. Маша отметила, что у него узкий, неприятный рот и очень белые зубы, мелькнувшие на мгновение в кривой гримасе, в которой только человек, наделенный определенной долей воображения, мог бы признать улыбку.

– Хвала хмм... Господу, леди Мария, вот вы наконец и пришли в себя, – произнес мужчина сухим, будто каркающим голосом. – Ну-ка, позвольте вашу руку.

Его рука в черной перчатке, напоминающая птичью лапу, протянулась к ней.

Маша невольно отпрянула, прижавшись спиной к стене.

– Не волнуйся, дитя мое, ты долго болела, но теперь все будет в порядке. Уж я-то позабочусь, чтобы все было так, как должно, – продолжал мужчина хрипло, словно с угрозой.

– Господин аббат, леди Мария пришла в себя днем и даже пыталась ходить в бреду. Позаботьтесь о ней, пожалуйста, – послышался громкий женский голос, и за занавеску заглянуло лицо той, кто сегодня называла себя Машиной тетушкой.

– Я позабочусь о ней, – сухо произнес аббат и, ловко подхватив Машину руку, сжал пальцами ее запястье.

Заметив кровь на костяшках пальцев девушки, он ощутимо вздрогнул. Кадык на длинной тонкой шее медленно поднялся и опустился, словно мужчина с усилием сглотнул.

– Пульс нормальный, ей уже лучше, – глухо произнес незнакомец.

Даже сквозь перчатку девушка почувствовала, до чего холодные у него пальцы.

Сейчас, глядя в темные холодные глаза знакомого незнакомца, она вдруг ясно поняла: это не сон и не сумасшествие. Все это – по-настоящему!

* * *

Они сидели в холодном пустом зале за столом, представляющим собой положенные на козлы доски: старый рыцарь с добрыми глазами, называвший себя Машиним отцом, во главе стола, рядом с ним – пустое место, далее – Маша, женщина, называвшая себя ее тетей, господин аббат, так и не снявший своих перчаток, и сухопарый мужчина неопределенного возраста с беспокойным взглядом, которого представили девушке под именем отца Давида.

На столе стояла громадная грубо вылепленная миска, на которой лежала часть туши какого-то животного, и жир капал прямо на стол, на некрашенные плохо обструганные доски.

В тушу был воткнут нож, и все отрезали им себе куски и, держа мясо пальцами, жадно ели.

Машу замутило. Наверное, ей не стоило выходить к столу, но она побоялась остаться в комнате наедине с аббатом.

– Ешь, тебе нужно набираться сил, – сказал старый рыцарь Маше, отрезая себе новый кусок. – Видишь, какая слабенькая, не скажешь, что дочь крестonosца.

Маша сглотнула. В горле стоял противный комок. Капля жира, упав с мяса, распласталась на столе, блестя в свете висящих на стенах факелов.

– Спасибо, мне не хочется... – пробормотала девушка.

Рыцарь скорбно покачал головой.

– Не заставляй ее, брат, – вмешалась в разговор тетушка, леди Роанна. – Бедняжка едва-едва оправилась. Она ведь была на самом пороге смерти. Что ты видела, дорогая? Приходили ли к тебе ангелы? – Она с любопытством уставилась на Машу, не забывая откусывать от своего куска. Ее губы и подбородок блестели от жира.

– Нет, я не видела ангелов, – ответила Маша, ежась под холодным изучающим взглядом аббата. – Последнее, что я помню, это то, что меня едва не переехала повозка... То есть не повозка... – Девушка задумалась. Она прекрасно помнила мчащуюся на нее машину, только вот никак не находила слова, ее обозначающего. – Ну, похоже на повозку, только движется без лошадей и возницы... То есть возница там есть... он называется как-то по-другому, не знаю, как, он крутит... колесо...

Маша окончательно запуталась и замолчала. Все нужные слова исчезли... И вообще ей казалась, будто она говорит на чужом, едва знакомом языке.

– Вот чудеса-то! – удивилась тетушка. – Но крутить руками колесо неудобно. На лошади быстрее будет.

– Когда я был у стен Иерусалима, – задумчиво произнес старый рыцарь, – моего товарища, сэра Уолтера ранили в живот. Ох уж мучился, бедолага, весь огнем горел и говорил что-то о водопаде и о розах. А вокруг – песок, и солнце печет, только мы и собаки эти – сарацины... Славное же было времечко, – вздохнул он, словно не рассказывал только что о смерти товарища.

– Так бывает, когда в теле бродит дурная кровь. Иногда еще не то померещится, – вмешался отец Давид, но тут же стушевался, замолк и уставился в стол, стоило только аббату слегка повернуть в его сторону голову.

Сам аббат почти ничего не ел и только крошил, размачивая в бокале с вином, краюху серого хлеба.

В это время в залу вошел слуга, неся в одной руке блюдо с птицами – Машу передернуло, когда она поняла, что это запеченные целиком голуби – а в другой – корзину с яблоками и грушами.

– Слабая ты у меня вышла, – с сожалением добавил хозяин замка, глядя на Машу. – Надо бы тебя замуж скорее выдать...

Маша, которая как раз решила откусить кусочек от груши, подавилась и закашлялась.

– Что? – спросила она, отказываясь верить собственным ушам.

– Все честь по чести. Устроим турнир, соберем женихов. Не бойся, Мария, я тебя в обиду не дам! – заверил рыцарь. – Давно тебе бы замуж пора, видать, я плохой отец, раз до сих пор не позаботился об этом.

– Да, – вмешалась тетушка. – Уж послушались бы господина аббата. Господин аббат давно уже говорил...

– Хватит! – вдруг рявкнул рыцарь и ударил тяжелым кулаком по столу так, что тот закачался. – Я и так слишком много слушаю вашего аббата и тебя, сестра!

Его лицо побагровело от гнева, а на виске явно проступил уродливый багровый шрам, пересекающий лицо наискосок и заканчивающийся где-то в районе щеки.

Леди Роанна вскочила, кинувшись к брату, прижала его седую голову к своей необъятной груди.

– Все хорошо, все хорошо, – повторяла она, глядя рыцаря по колючим волосам.

– Вы, сэръ Вильгельм, страдаете полнокровием. Вам бы кровопускание для здоровья сделать, – произнес аббат.

В его голосе не было ничего угрожающего, тем не менее Машу каждый раз, как она слышала его, пробирала дрожь. Она взглянула на священника, отца Давида и увидела, что тот сидит, опустив глаза и вцепившись побелевшими пальцами в стол.

Такое ощущение, что над сидящими пронесся порыв ледяного ветра. Что за место такое, что за люди?..

– Я не свинья, чтобы проливать кровь под ножом, а не на поле брани, – презрительно ухмыльнулся рыцарь, отводя руку сестры. – Да сядь же, Роанна, все в порядке.

Тетушка, качая головой, заняла свое место на скамье.

– Ну и ладно, – миролюбиво согласился аббат. – Не желаете, сэръ Вильям, партию в шахматы?

Они пересели поближе к громадному камину, где горели огромные поленья, слуга притащил небольшой столик с причудливо вырезанными из камня фигурками – белыми и красными.

Подошедшая поближе Маша с трудом узнала некоторые из знакомых ей шахматных фигур. Пешки здесь выглядели как воины с большими щитами. Король был королем – в короне и со странным мечом в руках. Кони представляли собой конных рыцарей, а вместо королевы была мужская фигурка, которую игроки называли советником, причем, как заметила девушка, это была самая слабая фигура, и ходила она только на одну клеточку по диагонали.

Но гораздо большее внимание, чем шахматные фигуры, привлекали сами игроки.

Хозяин замка играл увлеченно. Он горячился и то и дело потирал уродливый шрам на виске. Его противник же казался его полной противоположностью. Господин аббат сидел на жестком кресле, отодвинувшись от рыцаря и шахматной доски на максимально приличное расстояние. Его лицо казалось застывшим, совершенно безжизненным, а гибкие пальцы, закрытые плотной перчаткой, двигали фигуры быстро и уверенно. Между тем он не казался целиком поглощенным игрой, и Маша то и дело ловила на себе все тот же холодный тяжелый взгляд. Аббат словно прощупывал ее, проверяя на прочность. Кто этот человек и почему она видела его там, в своем мире? Маша решила, что на всякий случай будет держаться настороже и делать вид, будто ничего не помнит.

Леди Роанна устроилась неподалеку от играющих, занявшись вышиванием, но больше поглядывая на игроков, а отец Давид, пробормотав какие-то извинения, удалился сразу же после ужина.

Девушка изо всех сил сжала руки. Глядя на склоненную голову старого рыцаря, она вдруг подумала, что хорошо бы, если бы он действительно являлся ее отцом. Ей нравилась даже его грубоватость, даже большие руки с распухшими костяшками и уродливый шрам... Ей так хотелось, чтобы у нее был отец – тот, который не бросит ее и станет заботиться о ней, что бы ни случилось.

Девушка снова взглянула на доску. Ей очень хотелось, чтобы хозяин замка выиграл. Это означало бы, что все сложится хорошо. Но даже Маша, не разбирающаяся в шахматах, видела, что положение белых – ими играл сэръ Вильгельм – крайне тяжело. Красные теснят их, оставляя все меньше пространства для маневров.

И вот старый рыцарь резко отодвинул стул и встал, нависая над своим тщедушным противником.

– Должно быть, тебе сам рогатый помогает! – воскликнул он с горечью.

– Не богохульствуй, брат! – тут же отозвалась леди Роанна.

Аббат сплел пальцы и выгнул их так, что суставы едва слышно хрустнули. По его лицу нельзя было прочесть, доволен ли он победой.

– Вы слишком горячитесь, сэра Вильгельм, – произнес он, глядя на Машу. – Смотрите, так и все проиграете.

– Не проиграю! – рыцарь отвернулся к Маше. – Ложись спать, дочка, ты еще очень слаба.

В его голосе было столько теплоты и заботы, что девушка едва не заплакала.

– Леди Роанна, проводите, пожалуйста, леди Марию, – обернулся хозяин замка к сестре, которая, оставив нитки, мило улыбалась аббату, тщетно пытаясь поймать его взгляд.

Маша поднялась наверх. В коридорах чадили факелы. По стенам в беспорядке метались тени, и отблеск огня, падающий на неровные серые камни, показался девушке угрожающим.

Где она? Что происходит? Как, а главное, зачем она очутилась здесь? Что, если она прошла в какую-то дверь, ведущую в прошлое. И, наверное, не случайно девушка вспомнила теплый взгляд и ласковый голос старого крестоносца – того, кто считал ее своей дочерью. Как же она стосковалась по искреннему человеческому теплу! Возможно, она здесь для того, чтобы помочь ему? О, ради этого стоит рискнуть.

– Леди Роанна, – оглянулась она на тетушку, – скажите, а какой сейчас год?

– Год? – тетушка задумалась. – Ты это лучше у отца Давида спроси, я в книжных науках не сильна. Мне это без надобности, раз на мне все хозяйство замка лежит. Лучше спроси о наших запасах зерна или о численности стад, или о полотне.

– Нет, пожалуй, не надо. Ну а... – Девушка обрадовалась пришедшей в голову мысли. – А... сейчас же кто-то правит?..

Она не слишком хорошо знала историю, но отчего-то надеялась, что знакомое имя развеет тьму и поможет хоть немного сориентироваться.

Тетушка горестно покачала головой и взглянула на племянницу настороженно.

– Ах, бедное дитя, – вздохнула она, – неужели память твоя настолько ослабла, что не может удержать уже ничего?..

Возражать было бесполезно, поэтому Маша тоже горестно вздохнула.

– Ах, – сказала она не менее скорбным тоном, – моя память пострадала от тяжелой болезни. Однако Господь не дает человеку более того, что он может вынести, поэтому, надеюсь, с вашей помощью мне удастся вновь вернуться к полноценной жизни! Вы ведь мне поможете, тетушка?

Леди вздохнула, и Маша подумала, как органично звучат эти вздохи в атмосфере старого замка.

– Конечно, бедное дитя, я сделаю все, что в моих силах!

Она, расчувствовавшись обняла девушку, прижав к обширной груди, и Маша задохнулась от запаха дыма, пота и каких-то удушливых благовоний.

– Так кто сейчас правит в... у нас? – напомнила она.

– Ну да наш король Генрих Третий, да продлит Господь его дни! Не все почитают его как должно, однако при отце его было и того хуже. Пусть нынче не все бароны признают королевскую власть, но, к счастью, нашу добрую Англию не так терзают внутренние войны. Вот уж при прежнем-то было действительно несчастливое время! Может, говорить так и грех, но я уверена: никто из королев более не назовет своего сына Иоанном.

Тетушка, похоже, любила поговорить, однако из ее слов Маша извлекла немного пользы. Она ничего не помнила ни о Генрихе Третьем, ни о его отце, судя по всему, зовущемуся Иоанном.

«Надо было слушать внимательнее на уроках истории», – с запоздалым раскаянием подумала девушка. Но уж одно Маша поняла точно: она каким-то образом умудрилась перенестись в Средневековую Англию.

Но почему?

Ей вспомнился аббат – вернее, тот человек, удивительно похожий на него, увиденный в кафешке на Тверской. Он это или все-таки не он?

– А давно ли господин аббат в замке и почему он не в монашеской одежде? – спросила она, надеясь, вдруг если начать расспросы с этого края, что-нибудь прояснится.

На лице тетушки появилось задумчиво-мечтательное выражение.

– О, господин аббат – святой человек! – заявила она. – Он светский аббат – то есть тот, кто получает доход от аббатства, не неся обязанностей духовного лица. Он не принял пострига, поэтому живет не при монастыре, но принимает на себя все тяготы монашеской жизни: известен поведением скромным и тихим – по праву он мог бы сидеть по правую руку от моего брата, и только собственная скромность велит ему сесть ниже по столу. Он ежедневно держит строжайший пост: ест, бывало, одну крошечку, пьет одну капельку, словно божья птичка, уж чем только дух держится! Видно, сам Господь его питает!.. А с какой самоотверженностью господин аббат приходит на помощь всем страдающим – будь то благородная леди или последняя девка! Как он добр и бескорыстен! Пока ты страдала на ложе болезни, милое мое дитя, он проводил у твоей постели ночи напролет!

Маша вздрогнула, вспоминая холодный бесчувственный взгляд аббата. Она вовсе не верила в его мнимую святость. Леди Роанна же, без сомнения, полностью попала под его обаяние, сложно будет убедить ее в чем-либо.

«Надо будет получше присмотреться к нему и понять, что происходит в замке», – решила девушка.

Меж тем они дошли до Машиной комнаты.

– Сейчас, деточка, пришлю к тебе Берту, она поможет приготовиться ко сну, – пообещала леди Роанна на прощанье.

Минут на пять Маша осталась в комнате одна. Едва светила зажженная тетей лучина, по углам стояла густая тень, было холодно, несмотря на то что окно в комнате закрывал толстый кусок ткани с изображением какого-то старинного города.

Поставив лучину на лавку возле сундука, девушка обеими руками подняла тяжелую крышку. В сундуке лежала целая гора какой-то одежды (то платье, что было на ней сейчас, доставали как раз оттуда), а сверху – маленькое тусклое зеркальце. Маша заметила его еще днем, но не решилась заглянуть в него при свидетелях. Вот и сейчас, взяв зеркало в руку, она с минуту стояла неподвижно, боясь поднести его к лицу, затем резко подняла его. Разглядеть что-либо в полутьме было сложно, но даже робкого света лучины хватило, чтобы убедиться: в зеркале отражалось совсем другое лицо. Не то, которое Маша привыкла видеть с детства!

Хотя девушка ожидала чего-то подобного, на секунду все потемнело перед ее глазами. Ей захотелось бросить зеркало и завизжать – громко-громко и... проснуться от собственного визга.

В коридоре послышался шум шагов. Маша сжала зубы и всего лишь на миг закрыла глаза. Усилив воли взяв себя в руки, она положила зеркальце в сундук и закрыла крышку, и тут же в комнату вошла уже знакомая ей девушка, принятая ею сначала то ли за послушницу, то ли за монахиню.

– Сейчас, госпожа, помогу вам раздеться, – приветливо зашебетала служанка.

Маша равнодушно кивнула. Она чувствовала себя подвешенной на ниточках марионеткой. Поднять руки, нагнуть голову, опустить руки, перешагнуть через опустившееся на пол платье...

Постель была холодной и сырой, и, сжавшись в комок, девушка долго думала, что не заснет, но сон, подкравшись на мягких бархатных лапках, сморил ее так внезапно, что она сама того не заметила.

Маше снова снились узкие коридоры из серого камня, и свет, и тихое пение. Только теперь слова были другие. «Ты пришла! Ты наша!» – слышался ей голос.

А еще Маше казалось, будто некто невидимый наблюдает за ней, затаившись в темноте, там, за границей света. Его неподвижные мертвые глаза похожи на угли погасшего костра. Этот взгляд промораживал девушку насквозь, до самого сердца. Под его властью казалось, что ночь будет вечной, солнце не взойдет и утро не наступит больше уже никогда.

Все еще чувствуя на себе этот безжалостный взгляд, Маша открыла глаза. Сердце бешено колотилось, словно было намерено пробить себе выход на свободу и вылететь в небо вольной птицей. Было темно. Чуть колыхалась занавесь у кровати – то ли от сквозняка, то ли потревоженная чьим-то прикосновением. И эта мысль приводила девушку в ужас.

Она долго лежала, прислушиваясь к тишине. Ни звука. Но беспокойство не оставляло ее. За это время глаза успели немного привыкнуть к темноте и Маша поняла, что в одном месте у подножия кровати тень более густая и странная.

Девушка, клацая зубами от страха и холода, поднялась со своего ложа и протянула руку к тени. Пальцы коснулись мягкой материи, а в руке оказалась перчатка. Та самая, которую Маша видела на аббате!

Вампир

Тьма уже давно была его привычным убежищем. Она была с ним всегда: и снаружи, и внутри его. Он никогда не задумывался над этим, но такое единство можно назвать гармонией. Он уже забыл, как выглядит солнце, и ненавидел день, когда этот пылающий шарик висел в небе, вынуждая укрываться в помещении с плотно завешенными окнами. В это время он чувствовал себя узником, слабым и бессильным. «Скорее, скорее! Чтоб ты сгнуло!» – торопил он солнце.

Но наступала долгожданная ночь, и все менялось. Теперь он становился королем мира: мог легкой бесшумной тенью скользить во тьме – быстрый и самовластно-смертоносный. Ему нравилось читать в глазах людей мгновенное осознание неминуемой смерти, от которого их зрачки расширялись и застывали, словно вобрав в себя вселенский ужас. Он был их богом – тем, кто распоряжается ничемными жизнями и решает, кому жить, кому умирать. Выпивая их жизнь – глоток за глотком, – он чувствовал не только живую силу крови, но и пьянящее могущество.

Он почти не верил в то, что его могут когда-нибудь разоблачить – репутация его казалась безупречной, а церковь создавала надежное прикрытие. Он был очень доволен собственной задумкой укрыться за церковной стеной. Бог, без сомнения, оценил бы его чувство юмора.

И он играл, получая от своей игры ни с чем не сравнимое наслаждение.

В замке он пока еще не развернулся в полную силу, время торжества еще впереди. Предвкушение казалось столь же сладостным, как и власть. «Они будут моими! Все они будут моими!» – думал он, глядя на обитателей замка, а пока, прикрыв глаза, словно наевшаяся сметаны кошка, вспоминал как об изысканном лакомстве о крови девчонки-наслед-

ницы. О, он только пригубил ее – наслаждение еще впереди, а пока нужно лишь терпеть и предвкушать.

Вот и сегодня он долго бродил по коридорам и комнатам, наслаждаясь своей тайной властью, и покинул замок перед рассветом, чтобы успеть в деревню, в которой у него были кое-какие дела.

Симпатичная вдовушка, присмотренная им несколько ночей тому назад, сама вышла из дома, услышав тихий стук в окно. Грубая крестьянка – не то, что изнеженная баронская дочь, но пока сойдет и это. И он, припав к призывно белеющей в темноте шее, с жадностью пил горячую человеческую кровь.

– Спасибо тебе, господи, что наполнил для меня этот сосуд! – расхохотался он, когда трапеза была окончена, а обмякшее тело крестьянки упало на тронутую первыми ночными заморозками землю.

Вот теперь можно и вернуться к себе. Предстоял долгий день, полный тоскливого напряженного ожидания. Но за днем всегда приходит ночь, и уж тогда наступит его время!

Глава 3

Знак беды

Дни шли за днями. Жизнь замка подчинялась строгому порядку, и поэтому здесь ничего не менялось. Иногда Маше казалось, что она наблюдает из окна поезда за однообразным скучным пейзажем. Вставали в замке довольно рано. Затем нужно было идти на службу в небольшую церквушку, расположенную во внутреннем дворе неподалеку от замка. Здесь отец Давид читал на латыни текст службы, а Маше, вместе со всеми, приходилось повторять иногда «Амен» и креститься. К ее счастью, обитатели замка, похоже, не отличались излишней религиозностью, да и сам священнослужитель относился к обряду как к формальности, торопясь закончить его как можно быстрее.

Следующим пунктом был завтрак, и Маше удалось договориться, чтобы к столу ей подавали молоко и хлеб. Хлеб, кстати, ничем не напоминал тот, который она ела раньше – теперь ей казалось, что это было давным-давно, еще в прошлой жизни. Местный хлеб оказался серым, из муки очень грубого помола, с толстой хрустящей корочкой и плотным мякишем. На стол его приносили сразу из печи, поэтому он был еще обжигающе горячим и распространял вокруг себя густой сдобный запах. Кружки молока и горбушки хлеба вполне хватало девушке, чтобы наестся, остальные ели с утра более тяжелую пищу.

После завтрака все расходилась по своим делам, и Маша, вместе с тетушкой и служанками, отправлялись в комнату, где служанки ткали и пряли, а они с леди Роанной занимались вышиванием. Вернее, вышивала тетушка, а Маша, держащая в руках иголку едва ли не впервые в жизни, только пыталась освоить это искусство, безнадежно портя вышивку, которую начинала, видимо, еще настоящая Мария. Впрочем, стоило девушке задуматься, вышивка сразу же начинала получаться лучше, стежки ложились ровно и гладко – видимо, ее пальцы помнили эту работу.

Потом был обед, а после него Маша отправлялась гулять в сад, у стен, огораживающих внутренний двор замка. Сад, похоже, имел не столько декоративное, сколь практическое назначение, и среди яблонь и груш то и дело встречались грядки с пряными травами, заросли лука и чеснока. Впрочем, в саду Маше нравилось, тем более что дни, несмотря на раннюю осень, стояли теплые и погожие. Единственное, чего ей не хватало, – это компании. Разговаривать с леди Роанной оказалось не слишком интересно, а служанки, среди которых были девушки, близкие к ней по возрасту, в ее присутствии робели и говорили одни глупости. Даже прислуживающая ей Берта пока что пугалась и вздрагивала всякий раз, стоило Маше сделать резкое движение.

Ближе к вечеру, когда солнце уже почти исчезало за горизонтом, приезжал аббат и после краткой молитвы в церкви все усаживались за ужин, после которого следовала неизменная партия в шахматы. Маша, наблюдающая за игрой, видела, что как игрок аббат намного превосходит старого рыцаря, но тянет время, забавляясь с ним, точно сытая кошка с глупой мышью. Заметила девушка и еще одну особенность. Подразнивая крестоносца, аббат тем временем старался держаться от него как можно дальше. За шахматной доской он всегда сидел на максимальном расстоянии, с выпрямленной, словно окаменевшей, спиной. А однажды, когда владелец замка неожиданно наклонился к своему гостю слишком близко, аббат резко отпрянул, а по его всегда застывшему спокойному лицу пробежала судорога. Все это произошло так быстро, что, похоже, никто, кроме Маши, не обратил на происшествие внимание, да и девушка усомнилась: действительно ли она видела это или все лишь игра ее собственного воображения. На всякий случай она наблюдала за ним: вдруг с ним что-

то нечисто, но аббат больше никаких не проявлял странностей, и постепенно Маша стала успокаиваться.

Чем дольше она жила в замке, тем больше ей начинало казаться, что все так и было всегда. Она уже поверила в то, что старый рыцарь – ее отец, и прошлая жизнь казалась пришедшимся когда-то сном. Очень странным сном, полном самых невероятных вещей, дать название которым Маша не могла. Она уже начинала сомневаться, что существуют автомобили, и компьютеры, и книги, не переписанные от руки, а отпечатанные в типографии, и яркое искусственное освещение, и подземные туннели, в которых мчатся похожие на чудовищных гусениц поезда... Все это не имело в ее нынешнем языке названия и казалось полузабытой странной сказкой.

Она привыкала к жизни в замке, запоминала имена и расположение комнат, наблюдала за отношениями. Ей нравился грубоватый и простой, но, без сомнения, добрый и честный рыцарь. Его управляющий – сэр Саймон походил на своего господина. Он сильно хромал на правую ногу, но был готов дни напролет носиться по всему замку, строгим взглядом наблюдая за порядком. И хотя Маша не слышала, чтобы он на кого-либо кричал, при его появлении служанки замолкали и принимались за работу с утроенным пылом и усердием. Как узнала Маша, сэр Саймон был из обедневших рыцарей и ездил со старым бароном в Палестину, где отличился в бою и был ранен столь опасно, что долгое время сомневались в том, выживет ли он вообще.

Изучая замок – не очень старый, построенный всего лишь при деде нынешнего владельца, Маша видела перед собой целый мир. В центре всего было старое здание высотой в пять этажей. На первом этаже располагалась кладовая, на втором – кухня, далее шел этаж, целиком отведенный под приемный зал. Там обитатели замка собирались на обеды и ужины. Над залом были жилые помещения, а на самом верху – комнаты слуг, где девушка еще не бывала, как и в подземной части. Вход на этажи был затруднен. Попадали туда только через особое крыло с винтовыми лестницами – там, где девушка бродила в первый день своего пребывания в замке.

У подножия замка кипела жизнь. Там находились псарня и конюшня, какие-то хозяйственные помещения, часовня и сад. Все это было обнесено высокой и мощной крепостной стеной, за которой пролегал глубокий ров. Завершали внутренний двор две башни – круглая, новой постройки и старая, квадратная. Там жил управляющий и несли караул солдаты. Чуть ниже основного двора располагался так называемый большой двор, тоже находящийся под защитой крепостных стен. Самым примечательным в той части был огромный луг, на котором паслись животные и тренировались лучники. Ежеутренне сэр Саймон обязательно созывал солдат и, заставив их разогнать тревожно гогочущих гусей и упирающихся овец, устраивал упражнения по стрельбе. Сам он, как видела Маша, стрелял отменно. Лук послушно гнулся в его руках, а стрела летела в цель.

Однажды девушка попросила управляющего научить ее стрелять из лука, но тот, к сожалению, отказался, твердо заявив, что дочери барона пристало ткать и вышивать, оберегая свои нежные пальчики, но никак не ранить их о жесткую тетиву лука.

Машу это расстроило, впрочем, она еще не потеряла надежды повернуть дело так, как хочется именно ей.

Так же во внешнем дворе была мельница, дом мельника, где тот проживал со своей женой – грузной румяной женщиной, работающей на кухне, и, наконец, две башни. Одна предназначалась для лучников, другая служила воротами из замка. Ров вокруг внешнего двора был неглубок и постепенно сходил на нет. Очевидно, его просто не успели достроить.

Все это время девушка наблюдала за аббатом, однако пока что не заметила ничего, что могло бы подтвердить ее подозрения. Большая часть обитателей замка относилась к аббату едва ли не восторженно. Леди Роанна то и дело хвалила его благочестие и с удовольствием

внимала каждому его слову. Служанки смотрели на него как на божество и в беседах между собой даже называли его красивым, чего Маша уж точно не могла понять. Отец Давид слушал его, склонив голову, и никогда не оспаривал сказанное, тем не менее девушке отчего-то казалось, будто священнику неуютно в присутствии аббата и он при первой же возможности спешит покинуть его общество. Разве только сам барон относился к гостю без всякого пиетета, однако, видно, не мог без ежевечерней партии в шахматы, так что не доводил дело до открытого противостояния. Господин аббат держался со всеми ровно и снисходительно: был добр со служанками, галантен с леди Роанной, прям и насмешлив с бароном (тому, как старому вояке, даже нравилось такое обхождение). С Машей он говорил редко, но всякий раз с участием спрашивался о состоянии здоровья, а иногда девушка ловила на себе его тяжелый холодный взгляд, который словно придавливал ее к полу, но это случалось все реже и реже.

Она долго приглядывалась к нему, пытаясь понять, узнает ли он ее, но все больше приходила ко мнению, что нет. Похоже, аббат видит перед собой все ту же Марию, дочь барона, что и раньше. Ей хотелось расспросить его, но она боялась. Кто знает, к чему приведут расспросы и не лучше ли просто промолчать. Все принимают ее за Марию – ну и ладно, даже она сама почти привыкла к новому отражению в зеркале.

Тем временем Маше стало гораздо лучше. Слабость отступила, а на щеках стал появляться румянец. Но, странное дело, чем лучше ей становилось, тем хуже ощущала себя Берта, приставленная к ней в качестве служанки.

Это была совсем еще молодая девушка с молочно-белой кожей, забрызганной многочисленными веснушками. Маша почти что подружилась с ней, насколько это позволила сама Берта, вечно краснеющая и повторяющая: «Простите, госпожа!»

Уже несколько дней Берта была словно сама не своя. Она еще больше побледнела и осунулась, так, что кожа казалась почти прозрачной, а на руках и шее отчетливо виднелись тонкие синие жилочки. Особенно плохо чувствовала себя девушка по утрам. Иногда, когда она приходила в Машину комнату, ее качало от слабости, а сев за работу, служанка постепенно погружалась в прострацию и могла долго сидеть, уронив на колени челнок, глядя неподвижными глазами куда-то в угол.

– Что с тобой? – спрашивала Маша.

Берта вздрагивала, будто разбуженная посреди сна, и лепетала свое обычное:

– Простите, госпожа! Сейчас все сделаю.

Маше было жаль бедную девушку, и она не раз отправляла ее отдыхать, чем провоцировала гневную отповедь со стороны тетушки.

– Слуги должны работать! – говорила леди Роанна, хмуря широкие, словно меховые, брови. – Они по натуре бездельники и лодыри, а ты поощряешь в них самое дурное! Милое дитя, если бы ты была доброй и рачительной госпожой, то, напротив, заставляла бы их работать, ради их же пользы!

– Но вы же видите, что Берта ослабла! – возражала Маша.

– Глупости! – громогласно возражала тетушка и уверенно, словно мечом, рубила воздух ладонью. – Слабость – болезнь благородных. Не выдумывай, дитя, то, чего нет! Однако... – леди Роанна замолчала.

– Что однако? – переспросила Маша.

– Странно на тебя болезнь повлияла. Ты словно стала совсем другим человеком, – задумчиво проговорила тетушка. – Ну да все в руках Божьих. Может, так оно и лучше.

Состояние Берты по-прежнему беспокоило Машу. И однажды, перед ужином, она подошла к барону, отдыхающему перед камином в неудобном кресле с высокой спинкой, накрытом для мягкости какой-то шкурой.

– Я хотела поговорить с вами, сэр, – неуверенно произнесла она.

Старый рыцарь кивнул.

– Говори, не бойся, – велел он. – Чего ты хочешь: новое платье, расшитое жемчугом? А может, плащ из животов белочек? Ну конечно, – он громко хлопнул себя рукой по лбу, – близится зима, а у тебя нет новой одежды! Я плохой отец, если не забочусь о своей дочери!

Маша опустила глаза.

– Нет, вы – очень хороший отец, – едва слышно произнесла она. – Я хотела поговорить о Берте.

– Берта ведет себя с тобой дерзко? Я велю ее выпороть.

– Да нет же, вы опять все не так поняли! – воскликнула Маша, теряя терпение. – Берта очень робка и почтительна. Однако в последнее время она, должно быть, больна. Можно ли освободить ее от работы?

Барон нахмурился:

– Дочь моя, подойди с этим к моей сестре. Всем хозяйством в замке заправляет леди Роанна. Я не стану влезать в хозяйственные дела. Но если ты все-таки хочешь плащ или платье...

– Нет, спасибо.

Рыцарь взял Машу за подбородок и, повернув к свету, долго вглядывался в ее лицо.

– Я вижу, дочь моя, что ты по-прежнему печальна, – вздохнул он наконец выпуская девушку. – Я слишком долго бился в Святой земле за Гроб Господен, я умею сражаться, могу скакать на коне через пустыню, не думая о голоде или жажде, могу один выйти против десятка неверных. Однако уж прости, не умею угождать дамам. Но все-таки я позаботился о тебе. Мои верные слуги отправились в окрестные замки. Скоро у нас начнут собираться гости.

– Гости? – удивленно переспросила Маша, не понимая, какое отношение прибытие гостей имеет к ее собственной судьбе.

– Да, – подтвердил барон. – Мы устроим турнир и, клянусь мечом моих предков, я, наконец, подберу для тебя подходящего жениха!

Маша попяtilась. Она совершенно забыла о том давнем разговоре, сочтя слова про жениха всего лишь шуткой. Неужели ее и вправду хотят выдать замуж?! Ведь ей всего лишь пятнадцать!

Признаться, в этот миг а Берта вылетела у нее из головы.

Опечаленная девушка вышла из зала. Накинув на себя обшитый мехом куницы плащ из какой-то плотной ткани, Маша поднялась на крепостную стену.

За лесом уже садилось солнце, окрашивая небо в ярко-алый. Казалось, оно истекает кровью. Такого пронзительного заката девушка еще не видела.

– Кровь... Всюду кровь... Вижу, что всходит над нами знак беды и храни нас Господь в эти тяжкие времена! – послышался позади хриплый низкий голос.

Девушка быстро оглянулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.